

УДК 130.2.73

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-13

Лыков Э. Н.

Левиафан и Бегемот. Феномен полиции в контексте идей о суверене и гражданине

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71,
Белгород, 308024, Россия; lyikov@bk.ru

Аннотация. В статье анализируются философско-политические проблемы полиции как института общественной безопасности, призванного осуществлять свои функции вне политики, служить всему обществу в целом. Обращаясь к интерпретациям К. Шмиттом и Дж. Агамбеном классического учения о государстве Т. Гоббса, анализируя общественное целое, автор приходит к выводу, что ни либеральная, ни авторитарная модели современной демократии не страхуют от эксцессов субъекта и объекта защиты и упорядочивания, которые можно считать конститутивными для полиции, раскрывающими ее сложную сборку в контексте 1) единства во множестве национальной общности и проблемы суверенитета – противоречивого источника института полиции; 2) связанной с этим проблемы обеспечения безопасности, которая сложно соотносится с предыдущим уровнем, проблематизируя соотношение полиции и политического.

Ключевые слова: насилие; власть; государство; полиция; суверен; норма

Для цитирования: Лыков Э. Н. Левиафан и Бегемот. Феномен полиции в контексте идей о суверене и гражданине // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 2. С. 144-150. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-13

E. N. Lykov

Leviathan and Hippo. The phenomenon of the police in the context of ideas about the sovereign and the citizen

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
71 Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; lyikov@bk.ru

Abstract. The article analyzes the philosophical and political problems of the police as an institution of public security, designed to carry out its functions outside of politics, to serve the entire society as a whole. Turning to the classical doctrine of the state by Th. Hobbes in the interpretations of C. Schmitt and J. Agamben, the author analyzes the social whole and comes to the conclusion that neither the liberal nor the authoritarian models of modern democracy insure the subject and object of protection and ordering against excesses. As a result, two problems can be identified that can be considered constitutive for the police, revealing its complex assembly in the context of 1) unity in a multitude of national communities and the problem of sovereignty – a controversial source of the police institution; 2) the related security prob-

lem, which is difficult to correlate with the previous level, problematizing the relationship between the police and the political.

Keywords: violence; power; state; police; sovereign; norm

For citation: Lykov E. N. (2021), "Leviathan and Hippo. The phenomenon of the police in the context of ideas about the sovereign and the citizen", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (2), 144-150, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-13

Полиция, возникнув позднее судебной системы и армии, предстает изначально сугубо государственным институтом. В это время возникает новая конфигурация власти: сувереном становится коллективный субъект – народ, инструментом обеспечения безопасности которого является полиция. Право полиции использовать силу создает возможность для злоупотребления ею и для создания угрозы самой власти. Таким образом проявляются сразу две проблемы, которые можно считать конститутивными для полиции, а именно, 1) проблема единства во множестве национальной общности, то есть, проблема суверенитета – противоречивого источника института полиции; 2) связанная с этим проблема обеспечения безопасности, которая сложно соотносится с предыдущим уровнем, проблематизируя соотношение полиции и политического, или, в другой концептуальной модели, ставит проблему объекта защиты и упорядочивания.

Рассматривая первый из поставленных нами вопросов, обратимся к наиболее известной работе Т. Гоббса в интерпретациях К. Шмитта и Дж. Агамбена. Посвященный Гоббсу текст Дж. Агамбена начинается с разбора известной гравюры с фронтисписа первого издания «Левиафана». Опуская пересечения с интерпретацией Шмитта и эзотерическими коннотациями в его понимании изображенного, остановимся сразу на фиксации Агамбеном того, что центральная фигура гравюры, сам Левиафан, этот «искусственный человек», находится не в городе, а за его пределами. И это первая аномалия, на которую указывает Агамбен. Левиафан изображен нахо-

дящимся вне города, когда можно было бы предположить, что, как коллективное тело, он и есть город. Вторая аномалия гравюры состоит в самом городе, который изображен пустым, и можно предположить, что «население города полностью перешло в тело Левиафана: но из этого можно было бы сделать вывод, что место не только суверена, но и народа тоже находится вне города» (Агамбен, 2021: 50). Это еще одна загадка Левиафана, поскольку город без жителей еще более непонятен и вызывает вопросы.

Следующий тезис Агамбена уточняет «механику» коллективного тела, тем более что сам Гоббс использует механистические аналогии, сравнивая Левиафана с механизмом, и, в отличие от Шмитта, Агамбен уточняет, что речь скорее идет об *оптическом* механизме. Левиафан есть оптическая иллюзия, позволяющая собрать в нечто единое разрозненные части. Различие существенное, поскольку механическое собирание в единое тело, как аналогия, и сравнение с оптическим собиранием (мы видим нечто разрозненное единым посредством определенных «устройств») заметно различаются. Агамбен достаточно ясно выражает характер этой оптической иллюзии: «Объединение множества граждан в единое лицо является чем-то вроде перспективной иллюзии, а политическая репрезентация является лишь оптической репрезентацией (но не становящейся от этого менее эффективной)» (Агамбен, 2021: 54-55).

Оптическая иллюзия на уровне репрезентации и представления, самоотожествления и идентичности раскрывает

парадокс единого и множественного тела Левиафана. Гоббс раскрывает его, обращаясь к категориям «народа» и «множества», где народ представляет собой единое, соотносится с городом и сувереном, а множество есть совокупность единичных индивидов, естественных тел (Агамбен, 2021: 55). В русском переводе мы находим слово «масса», которое несет иные значения и семантически гораздо ближе к политическому, чем множество. Указанное различие звучит так: «... масса людей не есть нечто единое, но состоит из множества людей, каждый из которых обладает собственной волей и собственным суждением обо всем касающемся его...» – и далее не только о суждении, но также о действии: «... масса, как собирательное слово, обозначает много объектов, например, масса людей есть то же самое, что и много людей. Это же слово, будучи единственным числа, обозначает один объект, а именно – одну массу (толпу). Но ни в том, ни в другом случае не предполагается, что масса обладает единственной волей, дарованной ей природой, но каждый человек обладает собственной. А поэтому мы не должны приписывать ей единое действие, каково бы оно ни было... Поэтому масса не является естественным лицом. Но если та же масса поименным голосованием согласится на что-то, то воля какого-то одного человека либо согласные друг с другом воли большинства граждан будут считаться волей их всех, в таком случае возникает одно лицо, ибо оно обладает волей, а потому способно на произвольные действия, такие, как повелевать, созидать законы, приобретать и переносить право и проч. В таком случае чаще говорится о народе, чем о массе» (Гоббс, 1989: 333).

Множество или масса противоположны народу как чему-то единому, способному изъявлять свою волю, действовать, обладать правом. Агамбен призывает остановиться в этом моменте и задать вопрос о том, как может существовать этот парадокс, массы и народа, когда они суть одно и то же и одновременно различное.

Происходит разделение «внутри себя» на народ и множество, не совпадающие друг с другом, и появление суверенного народа для избрания одного – монарха, заканчивается его распадом: «Монарх также никаким соглашением не обязан кому-либо за полученную власть, ибо он получает власть от народа, но, как только что было сказано выше, народ тотчас же по передаче власти перестает быть лицом, а если исчезает лицо, одновременно исчезает и обязательство перед лицом. Таким образом, граждане обязаны повиноваться монарху только в силу тех соглашений, которыми они взаимно взяли на себя обязательство исполнить все, что сочтет нужным народ, то есть повиноваться монарху, если он поставлен народом» (Гоббс, 1989: 354). Сравнение и отсылка к оптической иллюзии, предложенная Агамбеном, оказывается весьма точной, народ как единство распадается при передаче власти суверену. Акцентированное единство народа охватывает весьма непродолжительный момент. И отсюда утверждение Агамбена о том, что у народа нет собственного тела. Есть множество естественных тел, и есть тело монарха; тело народа – политическое тело – есть тело моментального распада. И если мыслить полицию в этом контексте, то напряжение между естественным множеством и народом, о котором пишет Агамбен, присуще и ей, находящейся между исключенными из политического естественными телами массы и сувереном. Она оказывается одновременно имеющей дело с телами, по Гоббсу, естественными телами (голой жизнью), и с суверенной властью, ее непосредственной реализацией, а значит, и политическим (даже взятым в его максимуме).

Отмеченное нами «между», специфическое положение, можно понимать также как промежуточное состояние, процесс, поскольку Гоббс предполагает возможность или угрозу возврата к исходному состоянию войны (Гоббс, 2001: 120). Мы можем предположить, что полиция, наряду с судебной системой и армией,

предотвращает такую возможность. Она, в свою очередь, может возникнуть при новой сборке народа из множества. Согласно схеме Агамбена, должен образоваться круг перехода от «разобщенного множества» к народу и суверену, далее к «растворившемуся множеству» (естественным телам граждан государства), через гражданскую войну снова к «разобщенному множеству» естественного состояния. Тем самым множество, лишённое политической репрезентации вне суверена и его представительства, в схеме Гоббса действительно не имеет собственного места в городе. Оно может быть представлено только кем-то замещающим, и Агамбен отводит эту роль фигурам стражников и двум фигурам с масками чумных докторов, что позволяет сделать вывод о том, что «Непредставимое множество, подобное массе зараженных, может быть представлено только посредством стражников, следящих за его послушанием, и лечащих его докторов. Оно пребывает в городе, но только как объект обязанностей и попечения со стороны тех, кто осуществляет суверенитет» (Агамбен, 2021: 63). Обе эти фигуры, и стражников, и чумных докторов, вполне соотносимы с функциональностью полицейского: полиция равно осуществляла контроль над заболеваемостью и обеспечением безопасности на городских улицах. Оптическая иллюзия Левиафана помещает полицию в пустое пространство города как репрезентант самой непредставимой фигуры народа.

В указанном смысле полиция и есть народ. Более того, в предисловии к работе Шмитта «Левиафан и учение о государстве Томаса Гоббса» мы находим: «Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей, и исполняющей законы. Полиция, до сих пор бывшая орудием центрального правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время. То же самое – чиновники всех остальных отраслей управления»

(Маркс, 1960: 344). Эта цитата приведена в контексте сравнения идеи Руссо о нераздельности правительства и народа – и той практики, которую зафиксировал Маркс в деятельности Парижской Коммуны. Для нас важно, что он останавливается на роли полиции и отмечает ее совершенно инструментальную роль. Она переподчиняется новому правительству. Помимо этого, лишение политической составляющей в контексте переподчинения и указание на чиновников «остальных отраслей управления» говорят о том, что полиция ставится с ними в один ряд. Полиция – часть аппарата управления, теперь единая с народом. Несмотря на акцентирование того, что это экстраординарное событие, меняющее представление о государстве, такое понимание полиции вполне укладывается в новоевропейское представление о полиции как государственном институте, за вычетом монарха и закреплением статуса суверена за самим народом.

Ленин в работе «Государство и революция» еще более прямолинеен, говоря о том, что народ сам может осуществлять функции полиции, без отчуждения этой функции и формирования враждебного класса «вооруженных людей». Объясняя необходимость «самодействующей вооруженной организации населения», он пишет: «На вопрос о том, почему явилась надобность в особых, над обществом поставленных, отчуждающих себя от общества, отрядах вооруженных людей (полиция, постоянная армия), западноевропейский и русский филистер склонен отвечать парой фраз, заимствованных у Спенсера или у Михайловского, ссылкой на усложнение общественной жизни, на дифференциацию функций и т. п. Такая ссылка кажется “научной” и прекрасно усыпляет обывателя, затемняя главное и основное: раскол общества на непримиримо враждебные классы» (Ленин, 1930: 23). Тем самым Ленин предельно отождествляет народ и полицию, до полного переноса функций. И эта идея достаточно близка анархическому пониманию власти, кото-

рая реализуется самим народом, сообществом реальных людей (отметим в указанном выше контексте Агамбена, не нуждающихся в представительстве и репрезентации кем-либо). Насилие и конфликты, возникающие в таком сообществе, решаются им самим, без передачи функций наведения и поддержания порядка определенным группам людей. Дэвид Гребер называет это контрвластью и, более того, он пишет о том, что такое понимание является сознательным выбором определенных сообществ, вне их определения как примитивных: «... под «контрвластью» понимают совокупность социальных институтов, противостоящих власти и капиталу: от самоуправляемых общин и радикальных рабочих союзов до отрядов народного ополчения» (Гребер, 2014: 23).

Обращаясь снова к Шмитту и его словам о русских как о «радикальном брате», доводящем европейские идеи до предельных практических выводов (Шмитт, 2001: 47), отметим, что Ленин действительно радикализировал давнюю и достаточно обоснованную европейскую идею, переведя ее как бы в практическую плоскость и решив противоречие суверена и народа, объединив их в теории самодействующей вооруженной организации населения ради преодоления классового противостояния. Именно этим и объясняется наше «как бы» о переводе проблемы в практическую плоскость: идея всеобщего вооружения народа уступила место другой, также имеющей давнюю историю, – идее власти комиссаров и их диктатуры. Шмитт пишет о комиссарах как о должностных лицах, посредством которых осуществлялась власть монарха во Франции. Это была административная должность, назначавшаяся для контроля за исполнением указов короля и концентрировавшая в своих руках широкие функции, полицейские в том числе. Шмитт пишет о комиссаре: «В общем и целом он должен был следить за всем, что касалось судебного, полицейского и финансового управления, заботиться о поддержании обще-

ственного порядка и осуществлять общий надзор за всем, чего требовало служение королю и что шло на благо его подданным» (Шмитт, 2018: 206). Эта должность была важным инструментом осуществления власти непосредственно монархом, минуя местные властные институты, и соотносилась с диктатурой. Можно также добавить, что не только с диктатурой, но и с чрезвычайным положением. Комиссар осуществлял суверенную власть короля централизованно, еще раз подчеркнем, без учета сложившейся и традиционной системы сдержек и противовесов этой абсолютной власти. То, что комиссар как фигура суверена действовала в рамках закона, не должно вводить в заблуждение насчет возможности его отмены самим сувереном. Возвращение к Ленину и практике реализации власти комиссарами времен гражданской войны достаточно ясно показывает приоритетность суверенности над всем остальным. В комиссаре соединяются функции осуществления суверенитета и полицейские функции. Можно также снова отметить двойственность, относящуюся к этой фигуре, представляющую суверена и всеобщую волю, и имеющую дело с частным, конкретными или «живыми» людьми.

В работе «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса» Шмитт упоминает полицию, раскрывая значение государства-Левиафана и цитируя Карлейля: «Государство, по Гоббсу, есть лишь гражданская война, постоянно сдерживаемая сильной властью. Дело, следовательно, обстоит таким образом, что одно чудовище – Левиафан, “государство” – постоянно подавляет другое – Бегемота, “революцию”. Поэтому государственный абсолютизм оказывается в состоянии подавить тот хаос, который в его зачатке, то есть в индивидуумах, подавить невозможно. Карлейль в своей грубоватой манере говорит просто: анархия плюс полиция» (Шмитт, 2006: 132-133). Анархия на уровне индивидуумов, природа которых склонна к насилию, вражде, и полиция как инструмент государства, инструмент, служащий для контроля над

анархией естественных тел. То, что полиция называется здесь прямо, позволяет сказать, что для Шмитта она и есть само государство. В его интерпретации гоббсова Левиафана полиция есть то, что отделяет Левиафана от Бегемота, государство от революции.

Далее, в главе о Левиафане как «смертном Боге» и суверенитете, Шмитт снова упоминает полицию, говоря о том, что по своей сути государство конституируется страхом перед смертью, естественным состоянием, которое связано с угрозой жизни. В «государственном состоянии» все защищены, пишет Шмитт: «... все граждане государства защищены в своем физическом бытии; здесь царит покой, безопасность и порядок. Как известно, таково определение полицейской власти. Современное государство и современная полиция возникли вместе, и важнейшим учреждением этого государства безопасности является полиция» (Шмитт, 2006: 147). Полиция снова утверждается в качестве основополагающего института государства и инструмента обеспечения безопасности. Само же государство-Левиафан по Шмитту предстает как «смертный Бог», суверен, представляющий собой остальных людей, а также механизм, одушевленный, живой механизм в духе картезианских представлений того времени.

Этот анализ гоббсовой интерпретации государства как машины оказывается для Шмитта определяющим. Новоевропейские представления о человеке как о машине, управляемой интеллектом, были перенесены на «коллективного человека» – государство. Для Шмитта в этом шаге ценность Гоббса как мыслителя, который продвинул европейскую мысль в сторону освобождения представлений о человеке от мистического, а также понимания государства как «технического аппарата». Прогресс технический и рост возможностей государства для Шмитта совпадают. Более эффективное обеспечение безопасности связано с развитием технического: «В результате оказывается, что эта маши-

на, как и вся техника в целом, становится независимой от какого бы то ни было содержания политических целей и убеждений, приобретая ценность нейтрального в отношении истины технического инструмента. Этот процесс нейтрализации начался в XVII в., и его внутренняя логика привела, в конце концов, к абсолютной «технизации» (Шмитт, 2006: 166). Шмитт приходит к выводу, что эффективное государство, если под ним понимать машину, освобождается от политического. Обеспечение безопасности – мы видим это сегодня – все более передоверяется техническим средствам и тем самым извлекается из сферы политического. Помимо этого, если объектом защиты является жизнь, физическое тело человека, то, согласно концепции М. Фуко, биополитическое устройство безопасности также вне-политично и технично.

Однако в этой логике рассуждения теряется первый и важный элемент, а именно, суверен. Даже если его эффективность возрастает с использованием техники, растет его власть, то одновременно с безопасностью растет и возможность эксцесса, злоупотребления властью и силой, возможность ошибки или произвола. Обращаясь вновь к К. Шмитту и его схеме противостояния Левиафана и Бегемота, государства и революции, видим, что вопрос окончательно никогда и нигде не решен. Иными словами, угроза революции (и гражданской войны) всегда является актуальной. И критика Ленина, направленная на концентрацию насилия в «руках» полиции, имеет под собой основание в этом контексте, но не решает проблему, поскольку насилие (и оружие) представляет угрозу само по себе.

Литература

Агамбен, Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма / пер. С. Ермакова. СПб.: «Владимир Даль», 2021. 190 с.

Гоббс, Т. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 270-506.

Гоббс, Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.

Гребер, Д. Фрагменты анархистской антропологии. М.: Радикальная теория и практика, 2014. 172 с.

Ленин, В.И. Государство и революция. М.: Государственное издательство, 1930. 161 с.

Маркс, К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 17. М.: Госполитиздат, 1960. С. 317-370.

Шмитт, К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 47-58.

Шмитт, К. Диктатура. От современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / пер. с нем. Ю.Ю. Коринца; вступ. ст. А.Ф. Филиппова. М.: РИПОЛ классик. 2018. 440 с.

Шмитт, К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д.В. Кунцины. СПб.: «Владимир Даль», 2006. 300 с.

References

Agamben, J. (2021), *Stasis. Grazhdanskaya voina kak politicheskaya paradigma*. [Stasis. Civil war as a political paradigm], Vladimir Dal', St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Greaber, D. (2014) *Fragments of an Anarchist Anthropology* [Fragments of an Anarchist Anthropology], Radikalnaya teoriya i praktika, Moscow. Russia (in Russ.).

Hobbes, Th. (1989) "De cive", *Works in 2 volumes*, vol. 1, Mysl', Moscow, Russia, 270-506 (in Russ.).

Hobbes, Th. (2001), *Leviathan*. [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common Wealth Ecclesiastical and Civil], Mysl', Moscow, Russia, (in Russ.).

Lenin, V. I. (1930), *Gosudarstvo i revolyutsiya* [State and revolution] Gosudarstvennoe izdatelstvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Marx, K. (1960), "Grazhdanskaja voina vo Frantsii" [The Civil War in France] in: Marx K.,

Engels F. *Works*, 2th ed., vol. 17, Gospolitizdat, Moscow, 317-370, Russia, (in Russ.).

Schmitt, C. (2001), "The Age of Neutralization and Depoliticization" (Transl. by: Alexander Filippov), *Russian Sociological Review*, 1 (2), 47-58. (in Russ.).

Schmitt, C. (2018), *Diktatura. Ot sovremennoj idei suvereniteta do proletarskoj klassovoj bor'by* [The Dictatorship. From the Contemporary Idea of the Sovereignty to the Proletarian Class War], Transl. by Korinca, Yu. Yu., RIPOL klassik, Moscow, (in Russ.).

Schmitt, C. (2006), *Leviatan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbasa* [Leviathan in the Study of the State of Thomas Hobbes], Transl. from German by Kunicyna, D. V., «Vladimir Dal'», St. Petersburg Russia, (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Лыков Эдуард Николаевич, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71, Белгород, 308024, Россия; lyikov@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Eduard N. Lykov, Lecturer, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 71 Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; lyikov@bk.ru